

Б.В.Малиновский, Т.В.Малиновская

**НЕМЦЫ-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ В СОЦИАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТАХ ПЕРИОДА УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ И УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ ГЕТМАНА
П.П.СКОРОПАДСКОГО (1918 г.)**

На підставі даних службового листування посадових осіб УНР та УД досліджено процеси конфронтації між німцями-землевласниками Причорномор'я і Волині та представниками інших суспільних груп, військами Центральних держав, урядовцями УНР та УД, розглянуто причини і особливості конфліктів, в яких німецькі колоністи та поміщики виступали одвією із сторін.

В марте 1918 г. благодаря военной помощи Центральных держав к власти в Киеве вернулась администрация Украинской Народной Республики (УНР). 29 апреля 1918 г. государственный переворот ликвидировал УНР, была создана гетманская Украинская Держава (УД), которая просуществовала до 14 декабря 1918 г., когда гетман П.П.Скоропадский подписал отречение. Исследования, посвященные участию немцев Украины в политической¹ и военной² борьбе в 1917-1921 гг., опираются на данные воспоминаний, документов организаций немцев, материалы прессы. Меньше используется служебная переписка органов власти и должностных лиц УНР и УД – к ней кроме собственно обращений представителей власти друг к другу относятся как вид входящей документации материалы дознаний, прошения и жалобы граждан, документы различных организаций. Сообщения о конфликтах в служебной переписке в зависимости от того, кому противостояли немцы, можно разделить на три группы.

Немцы и инонациональное окружение. 25 мая 1918 г. Главный комитет Союза земельных собственников Юга Украины обратился к украинским властям с просьбой расследовать инцидент, произошедший несколькими днями раньше в м.Черново (Куликово поле) Ананьевского уезда Херсонской губернии. По сведениям комитета «вооруженный отряд австрийских войск» в пользу местного землевладельца Иоганна Штоляра принудительно взыскал 9 тыс. руб. с другого землевладельца Арона Сальковского, а его брата Шмиля Сальковского подверг телесному наказанию³.

Проведенной державной вартой (милицией) дознание установило причины происшествия. Как следовало из показаний А.Сальковского, в 1917 г. он купил у Штоляра будущий урожай по цене 2 руб. 90 коп. за пуд. Хлеб уродился плохо, и цена на зерно осенью поднялась до 5 руб. 80 коп. за пуд. Штоляр, таким образом, оказался в убытке – он уступил свой урожай за 7200 руб., а мог бы получить на 9000 руб. больше. После решающего объяснения сторон («я сказал ему: «знаешь что, пусть нас Бог судит, я тебе не доплачу твоего убытка») Штоляр выполнил соглашение, и конфликт на этом, казалось, был исчерпан («жили в дружбе, не имея друг к другу претензий»). Но в середине мая 1918 г. Штоляр вдруг появился у Сальковского дома вместе с большой группой солдат, которые устроили обыск и угрозами заставили жену Сальковского (он сам в это время находился в Одессе) отдать деньги.

За что был наказан Шмиль Сальковский, из материалов дознания не вполне ясно. Штоляр – по словам свидетелей, «сильно озлобленный», – покинул дом Арона Сальковского, повел солдат на квартиру к его брату. Шмуль Сальковский никаких дел со Штоляром не имел и потому не стал скрываться, как ему советовали, спросил у Штоляра, что происходит, и в ответ услышал: «Я тебе хочу выпотрошить розгами за твой язык». В итоге «командир немецкого отряда», жаловался Сальковский начальнику варты, в собственной спальне «разложил меня и дал мне двадцать пять или более удвров». Объяснить дознавателю, чем он так разозлил Штоляра, пострадавший не смог (или не захотел)⁴.

Особенным это происшествие делала его нетипичная картина, тогда как большинство конфликтов, в которых одной из сторон выступали украинские немцы и представители войск Центральных держав, имели общее основание – они были связаны со стремлением немцев вернуть свою собственность, утраченную во время войны и революции, также наказывать причастных к грабежам и конфискациям.

На Волыни речь шла, прежде всего, о землях и имуществе, проданных в соответствии с ликвидационными законами⁵. Так, в адресованной Центральной Раде телеграмме из Рудни Волынской говорилось: «Вернувшиеся немцы-колонисты при помощи германских солдат, применяя оружие [озбройно] забирают у местных жителей ... проданное им имущество до эвакуации, бьют и принуждают [розбивають і насилують] население, забирают хлеб»⁶. 1 апреля 1918 г. о том же сообщал в Киев волынский губернский комиссар: «Колонисты немецкой народности, подданные австрийского государства, возвраща-

ясь из ссылки, забирают недвижимое имущество, как также и живой инвентарь, и добиваются [права] выкупить его, к тому же по той цене, по которой он был продан в 1915 г. при высылке», при этом «немецкие солдаты становятся на защиту немцев-колонистов и вмешиваются во взаимоотношения между колонистами и населением»⁷.

В южных губерниях антинемецкое законодательство в период Первой мировой войны также широко применялось⁸, и в фондах органов власти УНР и УД находим связанные с этим документы. В сентябре 1918 г. руководство Союза земельных собственников Украины предприняло попытку помочь Рудольфу Карловичу Келлеру сохранить заложенное имение. Председатель Главного комитета Союза Д.В.Новицкий в письме к В.А.Колобову, начальнику канцелярии Представителя Председателя Совета министров УД в местах размещения австро-венгерской Восточной армии, отмечая объективные трудности, помешавшие Келлерам вовремя заплатить проценты по закладной – имение «сначала попало под действие ликвидационного закона о немцах-колонистах (что, конечно, не могло не парализовать хозяйства г.Келлера), а затем под новую общую для всех угрозу – угрозу большевизма» – просил в обход норм гражданского права («в порядке исходатайствования милости Ясновельможного Пана Гетьмана») не дать кредитору завладеть землей. Ходатайство было отклонено («дело чисто гражданское и поэтому не входит в компетенцию господина Представителя Председателя Совета министров»)⁹.

В 1917 – начале 1918 г. хозяйства причерноморских немцев пострадали от нападения грабителей, крестьянских самозахватов и осуществления мер по социализации земли. На Юге, как и в других регионах Украины, поддержка со стороны войск Центральных держав позволяла немецким землеладельцам взять реванш. Весной 1918 г. австро-венгерские и германские карательные отряды вместе с немцами-колонистами и помещиками совершают рейды по селам, требуют от крестьян и земельных комитетов вернуть земли и имущество, компенсировать убытки, разыскивают и подвергают наказанию лиц, которых немцы обвиняли в совершении грабежей и других преступлений.

Показательной можно считать ситуацию в районе вокруг колонии Николайфельд (Николайполе) Екатеринославского уезда. В марте и апреле 1918 г. В Екатеринославскую губернскую раду – высший орган власти в пределах губернии – поступают сообщения об эксцессах в селлах Николайпольской, Новопокровской, Широчанской и Солонянской волостей. «Появился отряд германско-австрийской армии, к ко-

торому присоединились немцы-колонисты Николайпольской волости и немцы-собственники Новопокровской волости, которые вооружены пулеметами и винтовками, насакивают на каждое село и деревню, где собирают всех поголовно граждан, строят в ряды, расстреливают и бьют нагайками беспощадно», – сообщалось 1 апреля 1918 г. в письме Новопокровской волостной управы¹⁰. 27 марта 1918 г. в деревне Тритузной были расстреляны Семен Сотников, Сидор Панченко, Иван Панченко, Федот Шевченко, Семен Дьяченко, Афанасий Артюков, Шаманский, еще двенадцать крестьян наказаны плетью¹¹. в с.Широком был казнен крестьянин Антип Летучий¹². 1 апреля 1918 г. в деревне Григорьевке каратели арестовали крестьян Сергея Мысочку, Федора Ковтуна, Ивана Позняка, Павла Мальченко и Стефана Синяка («и не объявив ... причины ареста, привязали последних веревками к бричке, причем нанося плетками удары по лицу, повели к коменданту штаба, находящемуся в Николайполе, что навело на все население панику»¹³). 9 апреля 1918 г. около полудня в с.Привольное Солонянской волости из Николайполя курьер сельской управы привез распоряжение николайпольского коменданта, требовавшее, чтобы «немедленно в 12 часов дня были возвращены владельцам все награбленные вещи: хлеб, лошади, скот и инвентарь, сдано все оружие и очищена чужая земля от всякого захвата», в случае неисполнения крестьянам угрожали «строгие меры военного времени»¹⁴. Крестьяне с.Широкого «по постановлению схода, вызванного приказом германского штаба», отправили своих представителей в Николайполе, где состоялся «разговор с колонистами, которые все время наводили разговор о возвращении земли, инвентаря, хлеба и с частных разговоров выяснилось, что приказ этот писал [колонист] Абрам Петерс»¹⁵.

Летом-осенью 1918 г. колонисты и владельцы поместий участвовали в подавлении восстаний в селах¹⁶, одновременно вынуждены были защищаться от нападений грабителей и повстанцев – при помощи войск Центральных держав и варты или своими силами. Так, в донесении Херсонского губернского старосты министру внутренних дел 25 июля 1918 г. встречаем еще одно упоминание о Келлерах. Сообщалось о задержании австрийскими властями в Одессе одиннадцати человек, «заподозренных в убийстве семьи Келлера». Эти люди «австрийскими же властями были доставлены в имение Келлера, где предполагалось расстрелять их, но по просьбе сестры убитого Альбины Шварц преступники были отведены в степь и расстреляны около деревни Чабанки»¹⁷.

Оказывать поддержку украинским немцам германское и австро-венгерское командование продолжало, пока последние части не покинули Украину. 5 ноября 1918 г., ссылаясь на донесение Киевского губернского старосты от 23 октября 1918 г., МИД УД ставил в известность германское представительство в Украине о том, что в с.Раковичах Киевской губернии высланные царскими властями в 1915 г. колонисты, возвращаясь, при помощи германских солдат отнимали у крестьян свое бывшее имущество, причем в случаях, когда «у кого из крестьян какой-нибудь вещи не находилось – своевольно отбиралась соответствующая вещь собственника»¹⁸.

Немцы и войска Центральных держав. 23 августа 1918 г. около одиннадцати часов дня в с.Карманово Тираспольского уезда во двор к Иоганну Циндлеру зашли несколько австрийских солдат, не спрашивая разрешения, спустились в погреб и забрали все сало, которое там нашли (примерно 3 пуда). Сам Циндлер в это время был на рынке, дома оставалась его теща. Солдаты хотели оставить расписку, и «только по убедительной просьбе старухи дали ей деньги», причем попытались «еще обмануть, не додав ей 50 руб.; когда на это обратила внимание соседка Каролина Киршенман, то старший обругал ее, сказав по-польски «еще одна ...ь мешается».

Кроме Циндлера от реквизиции пострадали еще четверо хозяев – Фридрих Липперт, Теобальд Фейль, Якоб Иоб и Иоганн Гофер. Солдаты вели себя подчеркнуто грубо, жене Фейля пригрозили расстрелом, и в то же время чувствовали себя неловко: крестьяне явно не имели ничего свыше необходимого. В доме у Липперта солдаты забрались на чердак, где «старший из них, унтер-офицер (но сам назвал себя офицером), увидевши кучку пшеницы и показав на 1,5 мешка муки сказал: «Лишней пшеницы у тебя нет, а муки мы не возьмем» и, обратившись к солдатам, приказал взять полмешка (приказание пришлось ему повторять раза три)». Муку взвесили, себе солдаты забрали три пуда, а 10 фунтов вернули Липперту, заплатили по 10 рублей за пуд¹⁹.

Этот случай, обстоятельства которого нам известны благодаря приговору, составленному на следующий день сельским старостой, не был исключительным. Например, 7 сентября 1918 г. члены Фрейдентальского сельского общества (Одесский уезд) обсудили на сходе требования командира австрийского батальона, расквартированного в г.Маяки, «отпустить 20 пудов свинины по твердой цене». Сход постановил поручить старосте Георгу Шеллю и сборщику Конраду Лозингу купить мяса по рыночной цене и затем продать батальону по

фиксированной (т.е. существенно заниженной) цене, а разницу «взыскать из числа наличных семейств, живущих в с.Фрейденталь, в равных частях»²⁰.

Отправляя протокол в волость, кармановский сельский староста просил земскую управу «ходатайствовать перед кем следует о прекращении подобных случаев самовольной и насильственной реквизиции продуктов австро-венгерскими войсками, чтобы эти части раньше всего обращались в сельское правление, дабы можно было установить очередь и разверстать требуемое на все хозяйства и взять с каждого хозяева понемногу, а не 5-6 человек, как это они делают». Таким образом, возмущал не факт, а способ изъятия. Жители Фрейденталя, если судить по приговору схода, тоже не возражали в принципе против участия снабжения войск. Тем не менее оба документа, пересылаемые вверх по инстанциям, в конечном итоге оказались среди материалов, собранных, чтобы обосновать требования правительства УД о прекращении реквизиций вообще.

Реквизиции были частью продовольственной политики Центральных держав в Украине, обеспечением отдельных частей дело не ограничивалось. Недовольство масштабными поборами, разорявшими хозяйства помещиков наравне с хозяйствами крестьян, явно выражено в петициях к украинским властям. В обращении руководства Союза земельных собственников к министру продовольствия УД (июля 1918 г.) относительно ситуации на Юге утверждалось: «Пережитый большевизм, бесконтрольная и беспощадная, подчас ничем невызванная реквизиция жалких остатков от большевизма кормов и зерна австро-венгерским командованием и, наконец, недород хлебов в Херсонской губернии во многих ее уездах лишает возможности теперь заблаговременно определить предполагаемую площадь озимых посевов, содержания скота и живого инвентаря»; авторы документа предлагали министру ознакомиться с фактическими данными, «которые лишней раз документально подтверждают тот вопль землевладельцев, который слышится отовсюду»²¹.

Летом 1918 г. германские экспортные организации, действовавшие в Украине, попытались использовать немецкие колонии как базу для поставок продовольствия в Германию. Хозяйственная централь в Киселе приняла постановление, согласно которому «всякие хранящиеся во всех немецких колониях запасы хлеба или зернового фуража, а также масличных семян единственно и исключительно должны идти на пользу Родины». В волостях следовало выбрать людей, ответственных за сбор и отправку продовольствия. Адресованное Хортицко-

му волостному правлению распоряжение комиссара централи Адольфа Васмуса (22 июня 1918 г.) предписывало «ввиду того, что сейчас голодают наши братья на Родине» соответствующую работу предельно ускорить («проявить при организации возможно большую срочность, осмотрительность и заботливость»)²².

Экспорт продовольствия из колонии планировался на взаимовыгодной основе, в обмен хортицким колонистам германское командование еще в мае 1918 г. обещало поставки сельскохозяйственных машин, угля, нефти, медикаментов, мануфактуры. Всего из сел Хортицкой волости централь рассчитывала получить 25-30 тыс. пудов зерна. Вывоз хлеба из Хортицкой, а также других волостей Екатеринославской губернии, в частности, Николайпольской, действительно осуществлялся. Судя по докладу агента Екатеринославской конторы Хлебного бюро Г.М.Тормана, собиравшего сведения об этом, хортицкие колонисты были недовольны тем, что крестьяне соседних украинских («русских») сел продавали хлеб по рыночным ценам. «Немцы даже собственными силами задерживали и препятствовали этой контрабанде хлеба ..., в конце концов русские вывозили обходным путем далеко за район Хортицы»²³.

Конфискации и принудительные закупки были не единственным основанием для недовольства союзниками. В спорах между участниками и жертвами земельных самозахватов австро-венгерские коменданты не всегда становились на сторону последних. Сообщая об этом украинским властям (июля 1918 г.), руководство Союза земельных собственников приводило такой пример: в Одесском уезде «по распоряжению Антоново-Кодынцевского коменданта помещику Везне чуть не «всыпали» 25 ударов за то, что он не хотел подчиниться незаконному вмешательству коменданта в добровольные договорные отношения г.Везне с крестьянами». Комендант «нашел», что Везне должен почему-то получить меньшую сумму, чем та, которую добровольно согласились уплатить крестьяне, а от экзекуции г.Везне был избавлен прибытием уездного старосты с высшим офицером»²⁴.

Украинские сечевые стрельцы, служившие в 1918 г. в Украине в составе группы войск эрцгерцога Вильгельма, пользуясь его высоким положением, проводили в тех районах, где размещались, собственную аграрную политику. В июле 1918 г. варте Елизаветградского уезда было поручено провести дознание об их действиях. Владелец хутора у деревни Константиновки (Старый Данциг) Аннинской волости Елизаветградского уезда Иван Бухгольц заявил, что слышал от местных крестьян, будто стрельцы «открыто и даже в сельском правлении по-

рицали действия ныне существующего правительства и высказывались, что гетмана не надо, «мы его все равно уберем, а буржуев вырежем и тогда поставим свое украинское правительство», кроме того, «порицали действия гетманских и венгерских войск, какие они применяли при восстании большевистских банд, заявляя, что с этими войсками они будут воевать». Бухгольц свидетельствовал: «Подобная агитация со стороны этого отряда настолько подействовала на мирных жителей данной местности, а в особенности на имущий класс, что последние не знают, как им быть, и со дня на день ожидают выступления со стороны как отряда, так и подонков общества»²⁵.

Немцы и должностные лица УНР и УД. Земельный закон УНР (январь 1918 г.) отменил частную собственность на землю, передал ее под контроль государства (земельных комитетов) для последующего разделения между безземельными хозяйствами; бывшие землевладельцы сохраняли на правах пользователей только ту часть своих угодий, которую могли обработать собственным трудом, без привлечения наемной рабочей силы. Социализация земли лишала смысла борьбу за отмену ликвидационного законодательства. В начале апреля 1918 г. МИД УНР подготовило ноту в адрес австро-венгерского военного представителя в Киеве майора М.Флейшмана, в которой утверждалось: поскольку земельный закон УНР отменил право частной собственности на землю и объявил ее «достоянием народа Украинской Народной Республики», то «немецкие колонисты не имеют права собственности и на землю, и на сопряженные с ней права и принадлежности, и не могут добиваться возвращения ее, тем более, что этого права не имеют и граждане Украинской Народной Республики»²⁶. Функционеры УНР, осуществлявшие на практике политику экспроприации, в глазах землевладельцев, в том числе немцев, ничем не отличались от обычных грабителей и вызывали к себе соответствующее отношение. Земельные комитеты («ни для кого не секрет, что их персонал зачастую состоит из людей с уголовным прошлым») не только сами проводили конфискации, но и подталкивали к этому крестьян, сообщали землевладельцы представителям Центральных держав, «под флагом максимализма по стране разъезжают вооруженные банды, палят и грабят»²⁷.

Гетманское правительство пришло к власти как выразитель интересов земельных собственников. Право частной собственности было восстановлено, крестьянам и земельным комитетам следовало вернуть движимое и недвижимое имущество. Споры по поводу возмещения убытков пострадавшим от экспроприаций землевладельцам

должны были улаживать специальные комиссии. Конфликты между немцами-землевладельцами и украинскими должностными лицами возникали, когда колонисты пытались вернуть свои земли и добиться компенсации без всяких комиссий, при помощи обеспеченного войсками принуждения.

Вопрос о возвращении колонистам земель, которые были проданы в соответствии с ликвидационным законодательством, решался органами власти УД на разных уровнях – и на местном, и на центральном. Волынский губернский староста учредил особую комиссию при комитете по делам беженцев, которая через своих представителей на местах должна была «мирным путем решать возникающие недоразумения» между беженцами и высланными немцами с одной стороны и местным населением – с другой. В состав комиссии входил также представитель германского командования и представитель колонистов («что дает гарантию в том, что дела будут решены справедливо и окончательно»). Предлагая министру внутренних дел утвердить проект инструкции по разрешению таких споров, староста заявлял, что принятие этих мер было совершенно необходимым, поскольку «возникало очень много недоразумений, которые в некоторых случаях принимали угрожающий характер», так что «на этой почве уже было несколько смертоубийств», колонисты, пользуясь поддержкой германского командования, увеличивали «свои требования ... так, что часто их невозможно выполнить»²⁸.

Совет министров УД 28 августа 1918 г. одобрил законопроект, подготовленный министерством юстиции, согласно которому отменялось «действие на территории Украины законов Российской Державы, изданных во время войны, начиная с 14 июля 1914 г. старого стиля, которыми ограничиваются частные права российских граждан, происходящих из Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции», одновременно правительство УД подтвердило, что «все изданные в связи с войной ограничительные законы в отношении германских, турецких и болгарских подданных отменены уже Брест-Литовским договором»²⁹. Тем не менее этого было недостаточно. 13 ноября 1918 г. посольство Германии в Украине в ответ на ноту МИД УД по поводу событий в с.Раковичах отмечало, что «инциденты такого рода можно было бы устранить, если бы украинское правительство решило создать комиссию, призванную выносить резолюции относительно предложений о возвращении принудительно отчужденных в свое время земельных участков», при этом промедление с решением этой

проблемы «имеет следствием для колонистов хозяйственные убытки и переживается ими как горькая несправедливость»³⁰.

Немецких землевладельцев возмущало то, что украинское государство отказывается (УНР) или не слишком торопится (УД) вернуть им их собственность. Сотрудничество украинских немцев с войсками Центральных держав, в свою очередь, вызывало со стороны властей УНР резкие протесты, со стороны властей УД – по меньшей мере обеспокоенность. Украинским должностным лицам было небезопасно заступаться за крестьян в их столкновениях с немцами. В июне 1918 г. командиром карательного отряда в с.Ташино Одесского уезда был арестован и отправлен в Николаев в тюрьму начальник 3-го участка уездной варты Никита Сомчинский «за то, что, исполняя служебный долг, составил протокол и передал начальству про насилия и побои, которые были нанесены 7 июня на хуторе Габриэля каким-то немецким офицером, а 10-го в селе Ташино – немецкой командой жителям этого села»³¹.

Кроме попыток немцев незаконным путем вернуть свою собственность украинские власти были недовольны тем, что германское и австро-венгерское командование без согласования с ними снабжало колонистов оружием, летом 1918 г. организовало в немецких селах принудительное обучение мужчин призывного возраста военному делу, закупало в колониях хлеб, минуя Хлебное бюро.

Правительству УД пришлось также столкнуться с проблемой политической лояльности немцев Причерноморья³². План создания германской колонии в Крыму и Северной Таврии был окончательно отвергнут руководством империи летом 1918 г., но еще в сентябре этого года в МВД УД поступали сведения о «вредной для Украинской Державы агитации к неисполнению распоряжений украинских властей, полному непризнанию ими устанавливаемого строя», которую вел пастор И.Винклер, призывавший население колоний «вступать в германское и австрийское подданство». Херсонский губернский староста в середине октября 1918 г. обращал внимание министра внутренних дел на тревожные симптомы в ряде немецких волостей: колонисты Высокопольской и Старошведской волостей отказались записываться в гетманскую гвардию (дивизию сердюков), наоборот, «возбудили ходатайство перед немецким командованием о зачислении их в немецкую армию добровольцами», должностные лица Головлевской волости отказались принести присягу на верность Украинской Державе, а жители Поречанской волости «отказываются от подданства ей и составляют свои посемейные списки, будто бы для представ-

ления германскому правительству»³³. Эти же процессы продолжались и позже – 30 сентября 1918 г. староста сообщал министру: «В районе 6 участка Ананьевского уезда замечается стремление немцев, преимущественно землевладельцев, к переходу в германское подданство»³⁴. Немцы, обобщая староста полученную информацию, пытались при помощи местного австрийского и германского командования явочным порядком установить автономию: требовали, чтобы начальники волостной варты назначались из их среды, вели себя «вызывающе по отношению местного населения, что гнетуще действует на последнее и сильно его волнует ...», считая себя привилегированным классом, в данное время стремятся в деятельности устранить от себя украинских подданных»³⁵.

Злоупотребления украинских чиновников служили еще одной причиной для конфликтов с населением колоний. Протокол, составленный представителями австрийского командования в колонии Клейн-Либенталь 11 июня 1918 г., фиксирует один такой случай. Дознание лейтенантом Альфонсом Прекшлем при участии унтер-офицера Алонса Фухацика и фельдфебеля Флориона Мейснера было проведено по жалобе жителей колонии поляков Иосифа Вержбицкого и Владислава Пуйдака, которые обвинили трех украинских милиционеров (так они названы в протоколе) в вымогательстве и незаконном применении силы. Эти милиционеры три раза устраивали обыск в домах у пострадавших, у Вержбицкого украли золотое кольцо, у Пуйдака – 70 рублей наличными и 10 литров водки. Когда они явились в четвертый раз, их ждало открытое сопротивление. Вержбицкий свидетельствовал: «Я спросил, что они желают, на что они мне ответили, что они ищут ружье и водку и что они отведут меня как арестанта к своему офицеру (украинскому коменданту), на это я возразил, что поеду к нашему (австрийск[ому]) коменданту, они меня не отпустили, но толкали меня на повозку, один говорил проклятья и заявил, что он будет меня бить ружьем, если я поеду к австрийскому коменданту. Вслед за этим я выскочил из повозки и побежал к станцион[ному] командованию в Клейн-Либенталь, где я рассказал об этом фельдфебелю Флориону Мейснеру». Пуйдак тоже не позволил обыскивать свой дом, «хотел поехать на подводе Вержбицкого к станционному командованию, но они [милиционеры] меня не пустили, вырвали лошадь и сказали, что они меня застрелят, если я поеду». Тогда Пуйдак «сошел с подводы и подошел к своей работе, но видел, что они [милиционеры] один за другим утикают домой»³⁶.

Записанные слишком кратко показания многое оставляют неясным – как Пуйдак оказался возле подводы Вержбицкого, почему милиционеры пришли с обыском именно к этим людям, почему собирались доставить арестованного к коменданту, т.е. военному должностному лицу, а не к своему милицейскому начальству и т.п. Сохранившиеся в составе служебной переписки органов власти УНР и УД жалобы и следственные материалы содержат не всегда достоверную информацию, отражают позицию только одной из сторон, донесения должностных лиц и дипломатические документы обычно очень лаконичны, наконец, в научном обороте находится только небольшая часть свидетельств такого рода – поиски в центральных и местных архивах Украины имеют большие перспективы. Несмотря на эти ограничения, использованный нами источник позволяет сделать несколько выводов.

Документы органов власти УНР и УД, содержащие сведения о конфликтах с участием украинских немцев, ясно обнаруживают сугубо прагматичную причину этих конфликтов – немцы боролись с опасностями, угрожавшими их жизни и имуществу. В мотивации конфликтов сложно выделить составляющие, не связанные с борьбой за жизненные средства. Не заметно ничего от межэтнической розни (как причины, а не следствия конфликта) – украинские крестьяне, жертвы карательных акций, страдали не потому, что были украинцами. Наоборот, общая этническая принадлежность ничего не значила, когда военные сами превращались для немцев в проблему. Показания пострадавших от реквизиции в Карманово записаны на русском языке; везде в тексте солдаты названы австрийцами, если это указание на национальность, а не принадлежность к австро-венгерской армии, а жителями Карманово они говорили по-немецки; оскорбление в адрес наблюдательной Каролины Киршенман прозвучало по-польски (если свидетели правильно определили язык, точно не русский и точно не немецкий), возможно, в расчете, что его не поймут. Конечно, все эти языковые детали, как и действительная этническая принадлежность солдат, для колонистов – обиженных и обобранных – значения не имела.

Политические мотивы тоже не были главными и не имели самостоятельного значения. Вопросы власти и гражданства занимали землевладельцев в той мере, в какой были связаны с проблемой сохранения собственности. Союз земельных собственников в апреле 1918 г., отвечая на вопрос Главного краевого комиссара УНР в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях по отношению

этой организации к украинской государственности, указывал, что преследует «исключительно экономические цели – защиту интересов своих членов, и касается политического положения Украины и в частности украинского правительства лишь постольку, поскольку, благодаря бездействию последнего, землевладельцы и собственники, не исключая и обладающих несколькими десятинами, разоряются и безнаказанно подвергаются насилиям и даже смерти»³⁷. Собственники были готовы подчиниться и служить той власти, которую считали способной гарантировать им безопасность и достаток. Популярность среди части причерноморских немцев проекта Винклера, очевидно, была связана с тем, что германское правительство в этом отношении внушало больше доверия, чем украинское. Противники этого проекта среди колонистов, вероятно, считали наоборот.

Мотивации конфликта соответствовало определение противостоящей стороны. Сюда в глазах немцев-собственников попадали все те, кто в той или иной степени угрожал их безопасности и их имуществу – от грабителей и участников земельных самозахватов до представителей военных и гражданских властей: Первые представляли безусловную угрозу и требовали уничтожения или сурового примерного наказания; власть, несмотря на злоупотребления и изъятия политики, все же означала защиту.

Казни и телесные наказания во время карательных акций всегда касались конкретных людей – каратели заранее составляли их список, – к которым выдвигалось конкретное обвинение. Антип Летучий в деревне Тритузной погиб потому, что «был большевик и по заявлению колонистов участвовал в обысках и реквизициях (встречал с оружием в руках и отнимал)»³⁸. Карательные экспедиции направлялись в села, жители которых разделили между собой земли или вещи колонистов, поддерживали повстанцев. Определенные претензии к определенным людям – столкновения немцев-землевладельцев и тех, с кем у них были счеты, по своему характеру приближались к межличностным конфликтам, можно также говорить о противостоянии территориально ограниченных общностей – колонисты (помещик) и жители соседнего села, волости. Отмеченные властями УД попытки немецких колоний противопоставить себя украинскому государству и украинскому обществу в целом – очевидно, крайний случай. Наоборот, противники немцев – махновцы, в частности, – в 1918 г. и позже сформировали и использовали стереотип колониста-контрреволюционера, пособника оккупантов в 1918 г., оправдывавший поголовное уничтожение жителей целых сел.

Служебная переписка имеет еще одно информационное преимущество. Она не всегда достоверно и подробно описывает действия участников карательных акций, но хорошо (жалобы и протоколы дознания) передает их эмоциональное состояние. Жалобы и протоколы тщательно фиксируют сопровождавшие наказание оскорбления и издевательства, лишние с точки зрения его рациональных целей (не считая стремления запугать), но позволявшие выплеснуть накопившийся гнев. В Григорьевке арестованных хлестали плетками по лицам, в Тритузной Антипа Летучего перед расстрелом «австрийский унтер-офицер бил ... кулаком»³⁹. Солдаты вытолкали из квартиры Шмиля Сальковского, его жену, детей и прислугу, при этом работник несколько раз ударил плеткой, «а командир отряда нанес несколько ударов жене каким-то прутиком [из] железа». Грубости «в нагрузку» к наказанию Шмиль Сальковский описал в своих показаниях: «Штоляр, обратясь к командиру отряда по-немецки, сказал, чтобы мне дали 25 ударов. Услыхав это, я начал умолять Штоляра не наказывать меня напрасно, потому что я весь израненный на двух войнах (имею 27 ранений) и Георгиевский кавалер, Штоляр ответил: «Раз ты выдержал на войне, то выдержишь и теперь», а немецкий командир отряда схватил меня за горло и сказал: «Все одно голова теперь долой»⁴⁰.

Перспективы изучения проблемы связаны с дальнейшим поиском архивных материалов, анализом также и других видов источников.

Примечания

¹ *Айсфельд, А.* Немецкие колонисты Юга Украины в 1917-1918 годах / А.Айсфельд // Вопросы германской истории. – Д., 1996. – С. 125-133; *Айсфельд, А.* Политическая жизнь меннонитов России в 1917-1919 годах / А.Айсфельд // Вопросы германской истории. – Д., 2000. – С. 223-248; *Borowsky, P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918 (unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen) / P.Borowsky. – Lübeck; Hamburg, 1970. – S. 141-144.

² *Безносков, А.И.* К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917-1921 гг.) / А.И.Безносков // Вопросы германской истории. – Д., 1996. – С. 112-125; *Безносков, А.И.* Колонистское население и вооруженная борьба на Юге Украины (конец 1918 – осень 1919 г.) / А.И.Безносков // Вопросы германской истории. – Д., 2005. – С. 71-96; *Бобылева, С.И.* К вопросу о причинах трагических событий в меннонитских колониях Юга Украины в годы гражданской войны / С.И.Бобылева // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. – М., 2005. – С. 289-303; *Лантев, Ю.Н.* Немцы и меннониты

- Юга Украины в гражданской войне (1918-1920 гг.) / Ю.Н.Лаптев // Вопросы германской истории. - Д., 2000. - С. 248-260.
- ³ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. - Ф. 2311, оп. 1, д. 146, л. 198. - Далее: ЦГАВОВУ.
- ⁴ Там же. - Л. 199.
- ⁵ Вітренко, Г. Конгрес німецьких колоністів у Новограді-Волинському (1918 р.) / Г.Вітренко, В.Вітренко // Студії з архівної справи та документознавства. - К., 1999. - Т. 5. - С. 247, 249.
- ⁶ ЦГАВОВУ. - Ф. 2592, оп. 1, д. 58, л. 21.
- ⁷ Там же. - Л. 22.
- ⁸ Шевченко, С.І. Становище німців на Єлисаветградщині у 1915-1917 роках / С.І.Шевченко // Вопросы германской истории. - Д., 2000. - С. 127-135; Шевчук, Н.А. Землевладение причерноморских немцев в Одесском уезде (вторая половина XIX - 1917 г.) / Н.А.Шевчук // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. - М., 1999. - С. 58, 59.
- ⁹ ЦГАВОВУ. - Ф. 2311, оп. 1, д. 141, л. 39-41.
- ¹⁰ Гражданская война на Украине. - К., 1967. - Т. 1, кн. 1. - С. 96; то же: Сергійчук, В. Погроми в Україні: 1914-1920 / В.Сергійчук. - К., 1998. - С. 170, 171.
- ¹¹ ЦГАВОВУ. - Ф. 3766, оп. 1, д. 162, л. 4, 5.
- ¹² Там же. - Л. 2; Malinovskij, B. Die deutschen Kolonisten als Teilnehmer an den Strafexpedition der österreichisch-ungarischen und deutschen Streitkräften im Bewusstsein der ukrainischen Bevölkerung 1918 / B.Malinovskij // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. - 1997. - N 7. - S. 77-80.
- ¹³ ЦГАВОВУ. - Ф. 2592, оп. 1, д. 58, л. 15.
- ¹⁴ Там же. - Ф. 3766, оп. 1, д. 162, л. 3.
- ¹⁵ Там же. - Л. 2.
- ¹⁶ Безносков, А.И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне (1917-1921 гг.). - С. 114.
- ¹⁷ ЦГАВОВУ. - Ф. 2311, оп. 1, д. 119, л. 9.
- ¹⁸ Там же. - Ф. 3766, оп. 1, д. 100, л. 35.
- ¹⁹ Там же. - Ф. 2311, оп. 1, д. 146, л. 292.
- ²⁰ Там же. - Л. 349.
- ²¹ Там же. - Д. 141, л. 14, 15, 30.
- ²² Там же. - Ф. 3766, оп. 1, д. 176, л. 30.
- ²³ Там же. - Л. 31.
- ²⁴ Там же. - Ф. 2311, оп. 1, д. 141, л. 17.
- ²⁵ Малиновський, Б.В. Архікнязь Вільгельм Габсбург, січові стрільці та «запорожці» у 1918 р. (за повідомленням гетьманських охоронних служб) / Б.В.Малиновський // Архіви України. - 1997. - № 1/6. - С.
- ²⁶ ЦГАВОВУ. - Ф. 2592, оп. 1, д. 58, л. 22.
- ²⁷ Ereignisse in der Ukraine 1914-1922, deren Bedeutung und historische Hintergründe / hg. v. Theophil Hornykiewicz. - Philadelphia, 1966. - Bd. 1. - S. 342, 353.
- ²⁸ ЦГАВОВУ. - Ф. 3766, оп. 1, д. 5, л. 17, 18.
- ²⁹ Там же. - Ф. 1064, оп. 1, д. 6, л. 192.
- ³⁰ Там же. - Ф. 3766, оп. 1, д. 183, л. 35.

³¹ Там же. – Ф. 2311, оп. 1, д. 152, л. 408; о самом происшествии в Ташино см.: *Malinovskij, B.* Die deutschen Kolonisten als Teilnehmer an den Strafexpedition der österreichisch-ungarischen und deutschen Streitkräften im Bewusstsein der ukrainischen Bevölkerung 1918. – С. 83-86; *Документи о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.* – М., 1942. – С. 99-101.

³² *Айсфельд, А.* Немецкие колонисты Юга Украины в 1917-1918 годах. – С. 130-133; *Айсфельд, А.* Политическая жизнь меннонитов России в 1917-1919 годах. – С. 235-248; *Borowsky, P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918 (unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen). – S. 141-144.

³³ *ЦГАВОВУ.* – Ф. 1216, оп. 1, д. 77, л. 118.

³⁴ Там же. – Ф. 2311, оп. 1, д. 119, л. 86.

³⁵ Там же. – Ф. 1216, оп. 1, д. 77, л. 118.

³⁶ Там же. – Ф. 2311, оп. 1, д. 97, л. 93, 94.

³⁷ Там же. – Д. 141, л. 4.

³⁸ Там же. – Ф. 3766, оп. 1, д. 162, л. 2.

³⁹ Там же. – Ф. 2592, оп. 1, д. 58, л. 21.

⁴⁰ Там же. – Ф. 2311, оп. 1, д. 146, л. 198.

Надійшла до редколегії 02.09.2007

В.А.Петров

КОНФЛИКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В БЫВШИХ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ ЮГА УКРАИНЫ (ЛАНДАУСКИЙ (КАРЛ-ЛИБКНЕХТОВСКИЙ) РАЙОН) В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В 20-е годы XX века

На основі матеріалів Державного архіву Миколаївської області були проаналізовані особливості проведення в 20-х рр. XX ст. аграрної політики більшовиками в колишніх німецьких колоніях Березанського округу, а також протиріччя і конфлікти між ними та населенням, які виникали в результаті цього.

В историю и культуру Северного Причерноморья внесли весомый вклад и немецкие колонии, основанные в начале XIX в. Их появление было обусловлено колонизационной политикой России в связи с экономическим освоением земель, присоединенных в результате русско-турецких войн в конце XVIII в.